

4Е6-3

196

ЛЮБОВЬ
ВАССЕРМАН
ДЛЯ СЛОВАСНО
ЖИЗНЬ

84Е6-5
В196

ЛЮБОВЬ ВАССЕРМАН БЛАГОСЛОВЛЯЮ ЖИТЬ

12909-4448

Хабаровское
книжное
и)дат'л'п>л'г но |
1987

КОЛЛЕКЦИЯ
КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Бир
аЗимЖ^н.к •••> Ла гтияя
им. Шолом-Алейхем
СЕКТОР НАЦИОНАЛЬНО-
КРАЕВЕДЧЕСКОГО

83 3Е
В19

Художник В. М. Лебедев

В $\frac{4702200000-66}{M160(03)-87}$ — Без объявл.-87

Ⓟ Хабаровское книжное издательство, 1987

От составителя

Любовь Вассерман... Из десятилетий знакомства и дружбы с этим удивительно добрым человеком и таким же добрым поэтом пытаюсь вспомнить хоть одну встречу, когда бы Люба (так называли ее все вокруг) рассказывала о себе, о своей биографии. Перебираю в памяти многие встречи у нее дома в Театральном переулке, в городском парке, в редакции, на берегу Биры и ничего у меня не получается.

И все же запомнилось многое: ее рассказы о довоенном Биробиджане, о друзьях-поэтах, первым и лучшим из которых был для нее Эммануил Казакевич, о внучке Асеньке, о прочитанной только что книге. Из глубины лет слышу ее тихий голос, читающий написанное вчера стихотворение, вижу ее глаза, в которых светится любовь, грусть и мудрость...

И вдруг понимаю: биография поэта Любови Вассерман — в ее стихах, в наших с ней долгих разговорах о жизни, в этом светлом городе над Вирой, куда она приехала более полувека назад; приехала из Палестины тогдашней подмандатной британской территории — и оставила там, в далеких «свободных» краях, тяжесть подневольной батрацкой работы, боль унижения человеческого достоинства, мрак тюремных одиночек, куда не раз ее бросали за подпольную революционную деятельность.

Приехав в начале тридцатых годов в Биробиджан, Любовь Вассерман становится активным строителем Еврейской автономной области. «Выстраивалась» и собственная поэтическая судьба молодой поэтессы: она вошла в первую писательскую группу области, в которой были Давид Бергельсон, Эммануил Казакевич и многие другие прозаики и поэты разных возрастов. Направлением творчества Любови Вассерман были

биробиджанская земля, богатая дальневосточная природа, красота созидательного труда первостроителей области, духовная привязанность ко всему происходящему здесь. В стихотворении «Мой дом» об этом поэтесса писала так:

В нас кипело желание страстное
Породниться с землею трудом.
Я сказала себе:
«Хватит странствовать.
Сердцем чувствую здесь мой дом».

(Перевод В. Соломатова)

Сердцем чувствовала она и это счастливо подтвердилось всей ее жизнью! причастность к большим делам Родины, к трудам и заботам биробиджанцев. В ее стихах, в ее поэтическом доме навек прописаны биробиджанские улицы и парки, тополиные аллеи и скамейки над вечерней Вирой. Рецензируя первый сборник стихов Любови Вассерман, вышедший в 1968 году в Хабаровском книжном издательстве, писатель Борис Миллер отмечал на страницах областной газеты «Биробиджанер Штерн»: «Ее стихи искренни, душевны, трогательны, просты в лучшем смысле этого слова. Они навеяны, можно сказать, какой-то особенной женской нежностью и обаянием. Лирически непосредственны, языково ясны, народны. Неяркая с виду строка, которая иногда проскальзывает в ее стихах, — не нарочитость, она лежит в доброй традиции настоящего фольклора, звучит чисто и правдиво, по-своему непосредственно, как пение или сердечная исповедь...»

Истоки ее поэтического слова повсюду и в ее родном польском местечке Славутнч, «подобном ветхому кладбищу», и под небом Палестины, где «тюрьма глухая стала мне невольным кровом», п, наконец, на щедрой дальневосточной земле:

За маревом тайги и голубых дымов
Вдали несет Бира течение сквозное.
Над нею город мой растет грядой домов,
И солнце льет лучи сверкающего зноя.

(Перевод Анатолия Гая)

Такова почва, питающая поэзию Любови Вассерман. Такова судьба, без остатка отданная Биробиджану —

ровеснику Комсомольска-на-Амуре. Эти почва и судьба помогли ей рассказать о земле, на которой она обрела счастье свободного труда, встретила любовь, познала радость материнства и горечь утрат. Здесь в полную силу раскрылся ее талант человеческого общения. В архиве редакции газеты «Биробиджанер штерн» хранится фотография, сделанная в далекие тридцатые годы: Любовь Вассерман беседует с приехавшим в командировку на Дальний Восток известным советским писателем Евгением Петровым. На пожелтевшем фото молодые счастливые лица, а вокруг яркий летний день, и Люба в белом платье рассказывает что-то улыбающемуся московскому гостю...

Три последних года своей жизни она провела в Кичине, у сына. Помню, как я провожал ее, тяжело больную, в Хабаровском аэропорту. Поцеловав меня, она тихо сказала: «А теперь иди. Мы больше с тобой не увидимся». Так и случилось.

Она была застенчива, никогда не просила помощи, хотя в жизни ее были ситуации, когда рядом ох как был нужен близкий человек!.. Она была простодушна порой, как трава, и по-детски наивна, и обижалась порой почему редко звоним или не заходим в гости.

Теперь уже и не зайдем и не позвоним...

Но она была, она жила среди нас и живет сегодня, потому что ее судьба — это судьба родной биробиджанской земли, наша судьба.

Пусть же для сегодняшних любителей поэзии, для нынешнего поколения биробиджанцев прозвучат собранные в этой книге стихи. В разные годы они публиковались на страницах краевых и областных газет, в журналах «Дальний Восток» и «Совместный Геймланд» («Советская Родина»), в альманахах, изданных в Москве и Хабаровске.

Пусть читатель этих стихов прикоснется к творчеству доброму, мужественному и светлому.

Леонид ШКОЛЬНИК

МОЯ ПОЭЗИЯ

Цветущей вишней, зоревым рассветом,
Девчонкой на пороге материнства,
Листвой, летящей сквозь сентябрь озябший,
Мне видится поэзия моя.
Ее я нахожу в горах Хингана,
Встающих на размытом горизонте,
В моей тайге, прекрасной и суровой,
И в лепете апрельского ручья.
В стремленье к дружбе всех земных народов,
Желающих прожить под мирным небом
Отмеренный судьбой отрезок жизни,
И ни себя, ни жизни не щадящих
Во исполнение этого желанья.
Поэзия моя! Ты мне явилась
И утренней улыбкою младенца,
И соловьиной песней ночи лунной,
И тихим бормотаньем краснотала,
Намокшего под грозовым дождем.
Навек в душе моей ты поселилась.
Мне без тебя и часу не прожить.
Ты кровь моя, питающая сердце,
И разум, позволяющий поверить
Мне в то, что в мире он восторжествует.
И вечно будут радоваться люди
Любви и дружбе на моей планете,
Всеобщему согласию и миру
И единению братскому сердец.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

В ПУТИ

Несется поезд вдаль, борясь с ночной тьмой.
Звезда уже горит рассветным перламутром.
Летит состав туда, где новый город мой,
Где в сопках над тайгой широко всходит **утро**.
И все прозрачней высь, путь краше и ясней.
Мелькает ширь степей, байкальские тоннели...
Встает моя страна в сплошной голубизне,
И струи мчит Амур у пограничных елей.
Среди зеленых рощ, среди долин и гор
Стремглав летит состав... И за оконным светом
В последний раз моих воспоминаний скорбь
Всплывает, как туман, дробясь в лучах рассвета.
В пут» еще, **минуя**
Речной изгиб у Вятки,
Я вспомнила внезапно
Мрак нашей жалкой хатки.
И с ней местечко в Польше —
Как ветхое кладбище.
Я провела в нем детство
Без крова и без пищи.
Кляня и кровь погромов,
И черные руины,
Оттуда я бежала
Под небо Палестины.
Но здесь все тот же голод
Грозил своим оскалом.
И воспаленным взором
Я жадно путь искала.
С толпою демонстрантов —
Тот путь мой был суровым.

Тюрьма глухая стала
Моим невольным кровом.
Но дух мой не был сломлен —
И снова я бежала...
Теперь передо мною
Огни Биробиджана.
Приводит путь мой к счастью
С трудом и звонким пеньем.
И юность расцветает
Вторым моим цветеньем.
В раскрытое окно кропят росой кусты
И свежестью ветвей, расставшихся с дремотой.
Как дни мои опять, пройдя сквозь ночь, листья
Горят, озарены рассветной позолотой.
За маревом тайги и голубых дымов
Уже несет Бира течение сквозное.
Над нею город мой растет грядой домов,
И солнце льет лучи сверкающего зноя.

Дни и ночи
Метаний, блужданий моих
В неизвестных мирах
На своих, на двоих..

Даль туманна, и нету дороги.

Дни и ночи
На поиски я извела,
А того, что искала, — звала,
Не нашла...

Даль туманна, и нету дороги.

Ноги — в кровь.
И в густом серебре голова.
Сердце в ключья,
А в нем — золотые слова...

Даль туманна, и нету дороги.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Через годы вдаль погляжу:
Время вспять повернуло, похоже, —
Мои детские годы лежат,
Словно

тень под ногами прохожих.

Шла я

белым, широким шляхом,

Пыль дорог

в душе оседала.

Ах, какая седая пыль!

Я теперь

такая

седая...

Рубашонка

давно мала,

Велико, не по росту горе.

Подадут, бывало, кусок

Хлеб чужбины

застрянет в горле...

Через долгую жизнь мою

Я смотрю:

В нищете и страхе

Все еще

ребенком стою

На далеком и знойном шляхе.

ПРОЩАНИЕ

Глаза мои во тьме горят прощальным жаром.
Наш месяц отшумел, как буйное вино.
Склони свое лицо с коричневым загаром, —
Быть может, новых встреч уже не суждено.

Мы выросли с тобой в грязи глухих предместий,
На этом — я, а ты — на том материке.
И встретились в строю голодных масс. И вместе
За хлебом и трудом пошли, рука в руке.

Мы ненависть несли к хоромам трутней сытых.
К ним грозен был твой взгляд и нежен был
ко мне.

Жандармы гнали нас. И я среди избитых
Ждала тебя потом, глотая пыль камней...

И оба мы с тобой теперь в стране свободной.
Но месяц пролетел... Захваченный борьбой,
Ты едешь вновь туда... Звучит сигнал отходный.
И сердцем я своим, и мыслями — с тобой!

СЛАВУТИЧ

Фишелю

Вот оно, мое местечко
С бубликом-базаром.
Вдоль местечка вьется речка,
И вода в ней — даром.
Избы там соломой крыты,
И видны в окошко
Колыбель, ухват, корыто,
Сладкоежка-кошка.

Дым из труб над каждой крышей
Тает белой свечкой.
Л мальчишка ярко-рыжий
Греется за печкой.
А любой старик в местечке
Истинный философ.
И на печке, и на речке
Пухнет от вопросов:
Будет ли маца па ужин,
Курица готова ль,
Правда ли, что чым-то мужем
Бит гуляка Коваль?
Ах, местечко золотое,
Мой Славутич милый!
Все торгуют кто смолою,
Кто треской и мылом.
Ну, а если вдруг случится
Ярмарка в местечке, —
Даже скряга Ента мчится
Прикупить колечко.
Музыкантов разыгаться
Хмель заставил жаркий.
А Микита хочет драться
С Настею-товаркой.
Нарасхват чеснок и яйца,
Бусы, шляпы, куры.
Все, как дети, веселятся,
Крутят шуры-муры.
Даже те, кто были в ссоре,
Повернули к миру.
А Степан себе на горе
Повернул к трактиру.
...Стихла ярмарка живая.
По ее законам
Бабы всласть перебивают
Косточки знакомым.

— Говорят, цвела, как пава, —
Шепчет Фрума-Поля.
Ей в ответ кивает Хава:
— Принесет в подоле...
— Чтоб у ней отсохли ноги
За такое дело:
В пурим* мимо синагоги
К Федьке полетела...
Но твои, Славутич, дети
Быстро вырастали.
Разлетелись по планете,
Грамотными стали.
Годы мчались, как недели, —
Что им оставалось?
Ну. а мы легко седили,
Горем «отоварясь».
Нет давно того местечка
С бубликом-базаром.
Лишь осталась змейка-речка,
И вода в ней — даром.
Пригублю воды из детства
Вмиг помолодею,
Потому что по наследству
будущим владею...

МОЙ САД

Легко свой заступ погружая в жирной целине,
Рву корневища крепкие тайги сырой и дикой.
Земля еще не тронута — и мягко веет мне
В лицо рассветом, влагой трав и молодой гвоздикой.

* *Пурим* еврейский религиозный праздник.

Родные песни с губ моих взвиваются высоко.
Хмелеет тело от земных животворящих соков.
Пусть зреет молодость, как зреет этот сад,
Пусть жизнь цветет со всей моей страною...
Я знала детство горькое. Лишь оглянусь назад —
Дни странствий, нищеты и бед встают передо мною.
Тем краше ныне рост цветов в саду моем хороших,
В нем алый мак, и солнечные розы, и горошек.

Росла в нужде я. Колыбелью детскою моей
Корытце было. Мать меня под грудью усыпляла,
Но молоко свое пришлось продать барчонку ей.
А я сосала пальчик свой — изжеванный и вялый.

Тем зеленой теперь мой сад в таежной колыбели,
Его плоды под солнцем нашей Родины созрели,
Во мраке бед шла мать моя. Несчастная, она
От слез ослепла, — не познав, что стала жизнь иною...
О, дорогая мать! Как ты была б поражена,
Теперь увидев дочь свою в цвету со всей страною!
Счастливый день труда горит уже закатным светом.
Пусть ночь в саду несет дозор до нового рассвета.

МОЙ ДОМ

Нет, места эти не были дикими —
Первозданными были.
Вдали
Сопки таяли в солнечной дымке,
Ждали нас.
И тогда мы пришли.
И земля оживала богатая,
В изумленье гудели леса.
Даже эхо устало подхватывать
Наши юные голоса.

В нас кипело желание страстное
Породниться с землею
трудом.

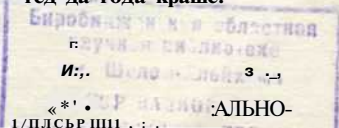
Я сказала себе:
«Хватит странствовать.
Сердцем чувствую —
Здесь **мой** дом».

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

» * *

А что здесь было?
Дебри да болота,
Да черная в бочажинах вода.
Была работа до седьмого
пота
В тот год, когда мы прибыли
сюда.
Что вижу нынче?
Высоко-высоко
Над нами ходят стаи
голубей.
И отраженье солнца
в сотнях окон
День делает лучистей и светлей.
Был путь наш прям,
и праведен, и труден.
Но юрод — как рассветная краса.
Вонзились **в небо**
заводские трубы,
Взметнулись фабрик новых
корпуса.
А завтра что? Жизнь

-тед-да года краше.

Мы нынче песни новые

поем.

Светло, как майский день,

сегодня наше,

А завтра еще лучше

заживем.

* * *

Весна.

Играют дети

В старом парке.

Звенят их голоса.

Наряды яркие.

Шумят, галдят,

Щебечут,

Будто птицы.

И в сердце

Радость

Мягко постучится.

И смех

В весеннем парке

Раздается.

И кажется,

Сама Бира

Смеется.

И песня разливается

Все шире.

Они поют

О мире

В целом **мире.**

Мне думается:
«Век недаром
Прожит.
Мы начинали,
Им дано
Продолжить
Дела отцов
Своих
И старых дедов.
И впереди
Еще у них
Победы».

«Век недаром

Прожит.

Мы начинали,

Им дано

Продолжить

Дела отцов

СВОИХ

И старых дедов.

И впереди

Еще у них

Победы».

* * *

Сентябрь. В школу
 поспешают дети,
Переходя из ранга
 дошколят.
Семь лет, что ими
 прожиты на свете,
Над ними словно голуби
 летят.
Глаза ребят сияют,
 будто небо,
Их голоса, как первые
 звонки.
Ученье детям — что-то
 вроде хлеба,
И песни их задорны
 и звонки.
Они поют о Родине
 великой,
Наследники ее больших
 побед,

поспешают дети,

Переходя из ранга

ДОШКОЛЯТ.

Семь лет, что ими

прожиты на свете,

Над ними словно голуби

летят.

Глаза ребят сияют,

будто небо,

Их голоса, как первые

ЗВОНКИ.

Учение детям — что-то

вроде хлеба,

И песни их задорны

И ЗВОНКИ.

Они поют о Родине

великой,

Наследники ее больших

побед,

О славной, легендарной,
 многоликой,
О той, что краше в целом
 мире нет.
Науки со старанием,
 без лени
За десять лет
 постичь оки должны.
И улыбается своим
 внучатам Ленин
Со школьной
 свежекрашеной стены.

УЛИЦА ЛЕНИНА

Я люблю твоих окошек розный свет,
Тополей твоих пушистый белый цвет,
Осыпающий, как снегом, тишь аллей;
Под дождем — сверканье листьев тополей,
Синий вечер, пламенеющий восход,
Что навстречу дню грядущему встает.

Любо слушать белой сказки тихий звон.
Звуки-шорохи плывут со всех сторон.
То мелодия, как сказка, осме.-ев,
Над коляскою мурлычет свой напев.
Подпекает этой песенке без слов
Мать, желающая сыну добрых снов!

Я пришла сюда. А тут была тайга.
Может быть, ты потому мне дорога?
Здесь торила тропку первую свою,
У палатки здесь встречала я зарю.

Здесь любовь моя, мечта и боль моя,
Здесь малышка мой увидел искры дня,
С этой улицы шагнул он за порог
В круговерть, в водоворот больших дорог.

Всех иных дорожке мне ты во сто **крат**.
Над тобою звезды спелые горят.
Над тобой шуршит, бушует листопад,
Над тобою песни новые звенят,
И на каждом лице дома, как рассвет,
Имя «Ленин» — будто солнца яркий свет!

ЯБЛОНЯ

Посадил человек яблоню.
Было это давно.
Запах ее цветения
Сладок, словно вино.

Человек воевал с тайгою,
Песни об этом пел.
Там, где он жил в палатке,
Скверик зазеленел.

Но человек однажды
Умер — жизнь такова.
В музей унесли палатку,
А память о кем жива.

Она по весне, как яблоня,
Вновь зацветает там,
Где вырос в глуши таежной
Город Биробиджан.

СВЕТЛАЯ ЯВЬ

Усталые веки, как корочки
книги,
Когда-то прочитанной,
смежены.
А в мыслях прошедшие
годы возникли
Селеньем таежным
заснеженным.
Глаза открываю и вижу,
как солнце,
Словно ребенок, играя,
По всем этажам пробежит,
засмеется,
В лучах своих город купая.
За четверть столетья
ветвистые клены
В дымках разрослись
фабричных,
И крыл голубиных
волнующий гомон
Стал по утрам привычным.
Трудов вдохновенных
пою половодье!
Повсюду встает перед взором
Советская явь в ее бурном
восходе
К сияющим солнечным
зорям!

МОЯ РЕКА

Она звенит, бурлит она
Напротив моего окна.
Загадочная, как века,

Струится горная река.
И дни, и ночи напролет
Песнь песней

мне она поет.

Она все шире и вольней...
Вот имена реки моей:
Вместившая и свет, и тень,
Родная,

чистая, как день
Зеленой утренней порой-
Еще ее зовут Вирой.

УЛИЦА ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

Полна неожиданностей твоя
улица,
Хоть хожу я по ней каждый
день-
Вчера еще кран над домом
сутулился,

А сегодня веселая канитель
Новоселий.

Смех гулким эхом
Летит по подъездам,

по всем этажам...

И на новом доме —

«Шолом-Алейхем» —

К общей радости горожан.
В тихом сквере пахнет

цветами и вербами.

Я сижу. Пробежали студентки

две.

Им не знакома, я знаю,

наверное,

Древняя боль дочерей Тевье.

В душный век ты светло и
гордо
Так хотел им помочь
чем-нибудь...
Погляди, сегодня над
городом —
Не блуждающие звезды —
Млечный Путь!
А там, в черно-синем далеком
космосе,
Куда не дойдут и вовек
поезда.
Вспыхивает
фосфоресцирующим
компасом
Человеком сработанная
звезда!
Ты верил, что мечты твои
сбудутся,
Ты верил людям, и жил ты
этим...
И дома, отстроенные на твоей
улице,
Новоселов встречают:
«Шолом-Алейхем»!

КОГДА НЕБО И ЧИСТО И ЯСНО

Неба бездонное море
Синей полно тишины.
В быстром мальчишеском взоре
Вижу сиянье весны.
Когда улыбаются дети,
Кажется все веселей:
Солнце приветливей светит,

Листва зеленеет быстрей.
В майском полуденном парке
Много сегодня ребят.
Сотни глазенок их ярких
Искрами счастья горят.
Захвачена детским весельем
И я в этот радостный час,
Седины под солнцем весенним,
Наверно, растают сейчас.
Мир! Это слово прекрасно.
И думает каждая мать:
Когда неСо чисто и ясно,
О чем еще можно мечтать?..

МАТЬ

Во взгляде твоём
и гордость, и нежность,
Широко и уверенно ты
идешь по земле,
Ты чиста, как прозрачная
вешняя свежесть,
Когда люди забыли
о долгой зиме.
Ты -
Родная земля,
Что от века до века
Отдает нам
И верность,
И силу свою.
Самый лучший подарок
Даришь ты человеку.
Подарив ему жизнь,
Прикрываешь собою
в бою.

Ты качаешь ребенка:
«Усни, мой малыш.
Я хочу только солния
Тебе впереди...»
Ты поешь эту песенку
Тихо, чуть слышно —
Целый мир задремал
У тебя на груди.
Звонкострунные крылья
У песенки этой,
Как у голубя белого,
Как у талой воды.
Нужен мир матерям —
Море солнца и света,
А не черные теп;;
Военной беды!

• СЫНУ

Люблю тебя кормить я утром, мальчик мой!..
Еще в твоих глазах — лишь первый отблеск света,
Но сна уж нет — и кровь поет во мне самой,
Приливом свежих сил и нежностью согрета.

И реет тишина — прозрачна и легка,
Когда склонюсь к тебе я в трепете счастливом,
И алый ротик твой, как лепесток цветка,
Опять к моей груди приникнет торопливо.

Мне так легко с тобой, привольно и светло,
Дыхание твое — сочнее винограда,
Твой взгляд — как песня для меня, твое тепло
Во мне — как вешний сок, животворящ и сладок!..

Когда впервые ты меня познал, любя, —
Зажглись твои глаза, чтоб никогда не гаснуть.
И в первый раз тогда, взяв на руки тебя,
Увидела я мир в твоей улыбке ясной.

СЫН ИГРАЕТ МЕЛОДИЮ

Всплески крыльев, цветенье сада
Властно входят в мысли мои.
Небо звонкое дышит прохладой —
Сын играет «А нигн»*...

Зорь дыхание в том напеве
И улыбка светлых сердец...
Помню — песни иные пели.
Предо мной встает мой отец.

Старый грузчик с плечами грузными, —
Руки, словно судьба, тяжелы, —
И с глазами грустными-грустными,
Как ущербный ломтик луны.

И струится светлая сказка,
По камням ручейком звеня,
Он ее принимался сказывать,
Утешая в горе меня.

Златострунные пели скрипки,
Свиристели звонко свирели...
И распахивались со скрипом
В мир иной тяжелые двери.

В тех далеких, счастливых землях
Дети спят на мягких перинах,

* *А нигн* — напев, мелодия.

Каждый день они кушают земе. ^эх
И следят полет голубиный.

Где ж они, те счастливые дети? —
Я однажды отца спросила.
Ничего он мне не ответил,
Только сжал плечо мое с силой.

Пронеслись, пролетели годы.
Уж сама я матерью стала.
Это сын мой играет сегодня —
Песню солнца, ветра и стали.

В этих звуках я слышу песню
О счастливом, лучистом детстве.
Песня просится в поднебесье,
На земле этой песне тесно.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Пламя бьется рыжей головой
О печные стенки закопченные.
Над землянкой вьется вьюги вой,
Раздирая в клочья ночи черные.
Перед печкой двое — я и брат,
И слова тревожные звучат.

Забастовщик, старший брат Рахмиль,
С непонятной и тревожной силой
Мне читал о жизни Изергнль
И о сердце Данко негасимом.
Шелестели стертые страницы,
Блеск огня пляса > на наших л:<цах.
Из огня и света — та строка,
К бурям нас зовущая и штормам...

Память сердца, будь ко мне строга,
Не забудь, не перепутай что-то.

Сколько мне по жизни ни шагать,
Вечер этот буду вспоминать,
Это слово, вызвавшее радость,
Это имя, давшее тепло,
Вспыхнуло любовью гордой Рады
И сердца своим опгем зажгло.

Нл века прописано в сердцах
Имя патриота и бойца.
Правдою твоей благословляет
Сына мать в стремительный наш век.
Пусть же годы имя не стирают:
Горьким — чо-швечный Человек.

МОЕ МЕРТВОЕ МЕСТЕЧКО

Мой дом — он стерт с лица земли.
Л я одна осталась.
Одна я посреди пути.
Куда же мне теперь идти?
Ведь я одна осталась.
Дорогу у кого спросить —
У пепла? У развалин?
Мертвы дома, мертва трава.
И я уже полумертва
У пепла и развачгн.
В какой же яме вас искать,
Отец, и мать, и братья?
И где же я тогда была,
Когда косм.ча смерть и жгла
Вам очи, мои братья!
Сестренка, Эстер, отзовись!

Где косы твои, Эстер?
Пойду,
 пройду по всей войне,
Пусть кто-нибудь
 ответит мне:
Где косы твои, Эстер?
О брат мой, Лейбуш!
 Ясный лоб
Застыл в холодном крепе.
О Лейви! Голос твой звенел,
Когда смеялся ты и пел.
Твой голос
 в черном крепе.
Откликнись кто-нибудь!
 Пускай
Хотя бы вопль безумный,
Хоть ропот листьев в вышине,
Крик петуха ответят мне
На этот зов безумный!
Но все молчит.
 Молчу и я.
Слова похитит ветер.
И я не буду криз* рвать,
Не стану кадыш** бормотать:
Слова похитит ветер.

НОЧЬ

Небеса спокойны,
 как замкнутый водоем.
Только звезды звенят, как льдышки.
 А город стих.

* *Криз* разрез платья в знак траура.

** *Кадыш* молитва, посященная умершему.

Отдыхаем мы —
я и мой город —
вдвоем,
Потому что ночь
задремала у ног моих.
Но не спится, не спится,
всю ночь не спится мне.
Из-за гор, из-за рек
слышу женским надрывный плач.
Может, все-таки сплю
и слышу это во сне?
Нет, откуда же взяться
таким невозможным снам?
Это явь.
Это бомбы, летящие на Вьетнам,
Это дети под бомбами:
«Мама, мама, спаси!»
Что ж земля,
все так же
вертится вокруг оси?!
Ах, как сердце щемит,
как боль колотится в грудь.
А ведь ночь спокойной,
такой спокойной была!
Видимо, мне безмятежно
уже никогда не уснуть,
Если где-то
горем убитая мать не спала.

ГОРИЗОНТЫ

Для сердца нету ни границ,
ни зон,
Я из окна гляжу
на горизонт...

И стены тают,
растворясь в небесном.

В стекле оконном горизонту тесно.

То белокур, как девочка-соседка,

То розов, как младенец-непоседа,

Он входит в душу,

наполняет сердце,

И никуда мне от него не деться.

Он солнцем разливается над миром,

Цветет цветком невиданным и милым,

Он морем заливаает берега,

Он молчалив,

как древняя тайга.

Безбрежен он,

как вся людская правда.

Он — горизонт.

Месторожденье радуг.

Сквозь полутьму и полусвет

утра

Сверкнет полоской узенькой

Вира.

И, разрастаясь, будто птичья

стая,

С восходом солнца горизонт

оттает.

И вижу я:

по льду спешат мальчишки,

Заткнув за пояс новенькие

книжки.

Веселый смех неслышимый

я слышу,

И хочется мне подойти поближе

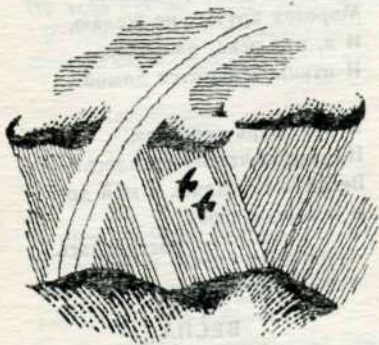
К их юности, к кострам

таежным жарким,

К их горизонтам,

будто солнце, ярким.

БЛАГОСЛОВЛЯЮ
ЖИЗНЬ

* * *

Становится сердце нежней
И тает, как снег у дороги.
Страхну, как усталость, под ноги
Всю боль молчаливых ночей.

Все горькие ветры долой,
Морозов крутых не желаю,
И я, как река, оживаю.
И **пищ** стремятся домой.

Играет заря серебром,
И снега почти не осталось.
Весна постучалась в мой дом
И в сердце мое
постучалась.

ВЕСНА

Ласточка вьется у окон моих.
— Вот **и** весна, — улыбается птица.
Тополи кронами пробуют слиться,
Напоминая гуляк молодых.

Как на дрожжах разбухает земля,
Вижу — подснежник проклюнулся **первый**.
Значит, опять я болею капелью,
Светом апрельского янтаря.

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Не зря по сопкам, по полям
Я наугад весь день бродила:
Ведь встретила в снегах я там
Подснежник крохотное диво.

Какая радость и удача! —
Он снег проклянул в этот миг...
И вот к рукам моим горячим,
Как сын, доверчиво приник.

Он слабым был и безответным,
Но ведь пробил снега, ведь смог!
...Я, торопясь, его от ветра
Прикрыла, словно огонек.

РОДНИК

Я стою одна на берегу.
Восхищенье спрятать не могу:
Мне под ноги бросила Бира
Горсти леяного серебра.
Снег шуршит, нашептывает мне:
— Подходи, не прячься в стороне!..
Улыбаюсь, не пойму сама —
Неужели всё это — зима?
Из-под глыбы леяной возник
Юркий по-весеннему родник.
Брызги пахнут свежестью, чисты,
Как зазеленевшие кусты.
Думаю я, глупый человек,
Ведь январь, и холодно, и снег,

Так взялась откуда впереди
Радуга у речки на груди?
Не стихает звонкий родничок,
Звякает по камешкам — чок-чок!
И сверкают капелькп-огни,
Словно праздник празднуют они.
Голос мне почудился вдали:
Эй, родник, ты родом из земли,
Подо льдом ты набирался сил,
Ни о чем, родившись, не спросил,
Рвешься к свету, требуешь тепла,
Ну, а это — главные дела...
Понимаю ясно и легко:
Год велик, и чудо велико.
Вот и ветер выдумал игру —
Укачал, как девочку, Биру.
Л]-шь родник ведь чудо велико —
Мне кричит:

КОРАБЛИК

ВХОДИ, весна!

Сердце настезь —

добро пожаловать!

Растопи голубеющий наст
 Половодьем таежных пожаров.
 Я люблю, когда иглы-лучи
 Прошивают зимнюю шубу.
 Когда ветер в окна стучит
 И с ветвями задиристо шутит.
 Пестроту вешних улиц люблю,
 Берег в белом цветенье ивы.

И кораблик в ручье.

Кораблю

Дальних стран,

берегов красивых.

Он летит :;о крутой волне,

И кричу я ему:

«Вое эрт зих?»*

И рождается песня во мне,

Шевельнувшись младенцем

под сердцем.

Мне ветвями машет сосна,

Вспорот снег лучами-кинжалами...

Окна настезь —

входи, весна!

Сердце настезь —

добро пожаловать!

ВНУЧКА

Весны шепотку

Ландышей таежных

Букетик

Мне принес ты

Вешним днем.

И внучка

Как-то очень осторожно

Остановила светлый

Взгляд на нем.

И улынулась.

И сказать хотела, —

Одна беда —

слов у малышки нет:

Смотри, смотри,

Рос зрт зих? — Что слышно?

Букет цветочков белых
Бабусе подарил
На праздник дед...
Да, это грустно.
Годы, будто солью,
Осыпали, заснежили
Виски.
Но если, сердце
Переполнив солнцем,
Идешь по жизни —
Тут не до тоски.
И радостно
Улыбку даришь лету,
И теплomu
Июльскому дождю,
Вишневому
Дурманящему цвету
Садов,

в котором парни
Милых ждут.
И пусть смеется
Внучка!
Вместе с нею
Мы улыбнемся,
Радость сохраняя.
Я чувствую,
Как время молодеет,
И вместе с ним —
Помолодела я.

ВЕСНА

Весна, я оттаиваю с тобой.
Я враз ощутила сегодня,
Что в сердце моем застарелая боль
Исчезла, как снег прошлогодний.

Мороз был, как враг, беспощаден и лют.
Я вроде терпенью научена, —
Но кажлый сугроб был горбат, как верблюд,
Тоскою и вьюгой навьюченный.

...Ушли холода, как недобрые сны.
Под снегом открылась дорога.
И крылья из света у новой весны,
И свет этот можно потрогать...

ЛАНДЫШ

Это

в самом начале лета.

В горах начал таять высокий снег.
Ландыши комочки снега и света —
Ты неуклюже подносишь мне.
Сам их ставишь в стакан с водою.
Ландыш свесился через стекло.
Что ты смотришь с грустью такою?
Думаешь, много воды утекло?
Думаешь, время свершает кражи, —
Слишком за годом торопится год,
Снег, что слетает на головы наши,
Больше уже никогда не сойдет?
Нет — за прошедшее нету боли.
Годы, хоть обманули в ином,
Но отзвенели колосьями в поле,
Но отшумели шипучим вином.
Ох, как бывало тяжело и трудно!
Ох, как сиял и смеялся май!
Что ж ты так смотришь, чужак мой, друг мой!
Ну, подойди ко мне, приласкай.
Нет, не за песни мои — бог с ними!

Только за верность —
в аду и в раю...

Эта ладонь твои страхи снимет.
Эта — прогонит печаль твою.
Ласкай, целуй меня. И ничьи нас
Усмешки не смогут уже оскорбить.
Кто нам суд! Когда лоб в морщинах,
Разве грех друг друга любить?

Не хмурься!
Лучше, как травы — свету,
Ты улыбнись.

Как ребенок — весне.
А будущим летом,
в начале лета,
Снова ландыш подаришь мне.

ТАКИЕ НОЧИ

Та ночь переходила в день
Так нежеланно скоро.
И солнце слизывало тень
Сумбурных разговоров.
И все-таки от тех ночей,
От тех речей несвязных,
От блеска жаркого очей
В душе остался праздник.
И песней ожила во мне
Той ночи благодать.
Не истребить ее вовек,
Забвенью не предать.
...Взлетая, тают на лету
Те песни, что пою.
Они, как яблонька в цвету,
У бездны на краю.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ЛЕТО

Я отворила окна, двери,
Прихлынь, поток тепла и света!
Пусть солнце светят, ветер веет,
Входи в мой дом и властвуй, лето!
Цветами твой простор усеян.
Цветет мой край, иод солнцем нежась,
Твоя палитра — синь и зелень,
Твое дыхание — зной и свежесть.
Земля до глубины прогрета,
Ее любовно солнце холит,
И только в быстрых горных реках,
Как в ножнах сталь, таится холод...

БЕЛАЯ КУРОЧКА

Белая курочка
Зернышки искала.
Искала, искала
И встала.
Кудахчет, волнуется:
«Куд-куд-куда!..
Подружки мо;!, куры,
Скорее сюда!
Смотрите на грядку:
Ведь тут был лед?
А теперь — подумайте! —
Травинка растет!»
Прибежали куры,
Петух с гребешком.
Смотрят на травинку
С белым корешком.
Задумались...

В ТАЙГЕ

Неслышны в мягком мху шаги мои.
Бушует август радугой немислимой,
Тайга пожаром яростным горит,
Наедине я

Со своими мыслями.

В часы такие в трепете листвы

Вдруг прозвенит строка

светло и чисто,

Как вскрикивает на болоте выпь,

И что-то скажет друг твой

неречистый!

Иду я по тайге сухой и звонкой

И вижу, как при ясном свете дня

Моя весна на древней лошаденке

Все дальше убегает от меня.

Мне грустно. И с улыбкой виноватой

Я рву в тайге

припозднившийся цвет...

Все так — мы были молоды когда-то,

Но у стихов ведь старостя-то нет!

ОСЕНЬ

Впервые — осень за плечами,

И мир широк, и ясен свет,

И мне сентябрь шлет ночами

Прозрачный,

в инее, привет.

И я утрами открываю

Весь этот мир листвы и слов,

И солнце, как вода живая,
Меня от грусти
лечит вновь.

И тихо дождик теплый льется,
И речка шелестит волной,
И осень — то ли засмеется,
То ли заплачет надо мной...

БЕРЕЗКЕ

Не гнись, березка,
Под осенним ветром,
Срывающим листву
С твоих ветвей.
Живи, как я,
Большой и светлой верой
В то, что сезонен
Лютый ветровей.
Пусть долу гнет
Тебя тот вихрь свирепый,
Пусть золото листвы
Швыряет в грязь.
Пусть выглядишь
По осени нелепой,
С родной землей —
Да не прервется связь!
Ведь непогодь
И холода невечны.
Придет весна
На наш с тобой порог.
Ее ты встретишь
В платье подвенечном
И в тихом звоне
Золотых серег.

ОСЕНЬ

Она влечет к себе неудержимо
Тяжелою ли спелостью плодов,
Задумчивостью поздней
 лугов, —
Как разгадаю, чем приворожила?
Леса...

Там запустение пожарищ.
Но в них весна заложена уже.
Не потому ль покой так освсжающ
И невозбранно дышится душе?
Я чувствую: мое бывшее горе,
Воспоминанья бедствий и войны,
Как сумерки в саду, растворены,
Претворены в несхожее, в другое.
Хвала тебе, осенний листопад.
Ты весь — как тихо сказанное слово,
В котором и законченность бывшего,
И то,
 чему приспело наступать.

РАЗГОВОР

— Скажи мне, — этот
первый снег,
Похож ли он на цвет
акаций?
— Не знаю. Вот уж целый
век
Хочу я в этом разобраться!
Скажи, похож ли первый
снег

На голубей в январском
небе?

Я никогда поэтом не был.

Ложится звездами
на плечи!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

АНТОНОВКОЙ там пахнет,
как в саду.

Я незнакомым городом иду.

Иду, как в околдованном лесу.

Я, как птенца за пазухой, несу.

И озорным снежком несется **вслед.**

А снег кружит, кружит,

как будто хочет

Напомнить мне мои семнадцать лет!

СНЕГ

Все бело в этом мире.
Даже звезды белы.
Ухожу из квартиры
В тихий сумрак Виры.

Звезды падают с неба
И не тают в руке,
Словно искорки снега
На янтарной реке.

Замечтавшись о чем-то,
Что вздыхаешь, поэт?
Может, вспомнил девчонку
Восемнадцать лет?

Может, глаз ее тайна
В некий час у реки
Подказала случайно
Две земные строки?

Впрочем, я тебя старше,
Да и жизнь посложней.
Не одни только марши
И симфонии в ней.

Но за **каждой** бедою,
За любой из потерь
Видеть жизнь молодою, —
Суть лишь в этом, поверь.

Не снежинки, а камни?
Снегопад молчалив?
Тронь снежинку губами
И услышишь мотив.

Бросаюсь

в снегопад,

как в омут.

И чувством близким и родным

Дохнул в лицо мне милый

город.

Должно быть,

так же вот родник,

Стремясь к реке, ломает

горы.

Подслеповатых звезд

огни

Летят в серебряные сети...

Спасибо за такие дни,

За радость

жмть на этом свете!

ДЕД МОРОЗ

Игрушек — не перечсть,

Не пересчитать иголок,

У каждой, как имя, есть

Характер, судьба и голос.

И дети глядят на них

Глазенками цвета неба,

И кажется — ветер стих,

И стало светло от снега.

Вот явится Дед Мороз,

Известный чужак на свете,

И скажет:

— Я вам принес

Игрушки. Берите, дети!

А детям навек дана
Завещанная отцами
Единственная страна
С большими ее делами.

И дети поют о ней,
И песенка, как живая,
Всем людям в моей стране
Счастливых дорог желает!

ХУДОЖНИК

В заснеженном саду сидел
художник

И рисовал зимы последней
день.

Я не хочу сказать о нем худого,
Он здорово ловил и свет
и тень.

И радугой в руках его —
палитра.

И музыкой цветы на полотне.
Но с неба солнце яростно
палило.

Огонь! Огонь! По тающей
земле.

И наполнялись робкой вешней
влагой

Коренья.

И рвалась она к ветвям.

И воробьиной шумною ватагой
Детишки на аллеях, тут и там.

— Потише, попрошу вас.

Не мешайте

Вы мне перенести на полотно
Сугровища, похожие на шаньги,
На лужах лед, как хрусткое

стекло.

Так говорил художник.

А девчонка,

С лицом, забрызганным

пыльцой веснушек,

Расхохоталась озорно и звонко

И говорит художнику:

— Послушай!

Зачем рисуешь гаснущую зиму?

Рисуй на небе вешние

разводья,

Рассвет апрельский...

Это ж так красиво!

Не надо зиму рисовать сегодня!

* * *

Снегопадение, как акаций цвет.

Охватывает все деревья разом,

И свежим ароматом будит разум,

И прибавляет жизни десять лет.

И небо после снега голубей.

Он пал на землю и еще не стоял.

Он радостен, как трепетная стая

Взлетевших в поднебесье голубей.

Так неужели ж ты ему не рад?

Забудь свои заботы и печали.

Идем со мной. И пусть нас закачает

В ладонях улиц первый снегопад.

УХОДИТ МОРОЗ

Еще вчера морозным белым
ставнем
Закрыто было наглухо окно,
И было в доме тихо и темно,
А вот сегодня лед чуть-чуть оттаял.
И солнца луч сквозь щелочку
принес
Весть, что весна спешит к нам
издалека,
Что я не так уж, в общем, одинока,
Что на исходе вьюга и мороз.
В проталинку стекла гляжу,
как дети
Друг в друга мечут крепкие снежки,
Еще совсем не ведая тоски
И принимая все, что есть на свете.
К ним заспешу из сумерек жилья:
Я не хочу остаться посторонней —
И закружimsя мы в родонероне*,
И чуть светлее станет жизнь моя.

ПОДСНЕЖНИК

Он изо всех
Натужился силенок
И наст пробил.
Где силы взять он смог?
Ведь хрупок он,

* *Родонерон* — название еврейского танца.

И, как ворсинка, тонок
Его посеребренный стебелек.
Глядит глазком
Доверчивым апреля
Он из сугроба,
Что осел уже.
Подснежник...
Я его в ладонях грею,
И радость зарождается
В душе.

МЕЧТА

Сосульки горят,
Как волшебные свечи,
И в мире становится очень светло.
И детям, как чудо.
Свалилось на плечи
Февральского снега живое тепло.
Нырять в сугробы на лесенках улиц,
Танцуют они и теплеет зима.
Прощай, моя старость, —
я в сказку вернулась
И, кажется, даже танцую сама.
Отнюдь не прохожий, в сторонке стоящий, —
Я вместе с детьми веселюсь и пою.
И это — мечты моей
свет настоящий,
Согревший и сердце, и пескю мою.
А что еще матери нужно на свете?!
Жила бы мечта голубая, как снег,
Да в мирные игры играли бы дети,
Войны и несчастья не зная **вовек!**

ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

Снег. Первый. Беззвучный,
как в детстве, он радует.

Шепчу я чуть слышно:
«Лети же, лети же!»

Пушистый, он так расстояния скрадывает,
И дальние дали становятся ближе.
А было их, далее далеких, немало.
И вот они все подступили, теснятся.
Ведь были они?

Не приснились?
Не снятся.

Светясь перед взором, как лента немая?
Неужто прошла

сквозь все эти года я,
Встречая любовь, и вражду, и учтивость?
Давно я по белому свету шагаю,
А кажется — только ходить научилась.
Все кружится снег,

все мне голову кружит.
Закутана в снег я, как в мех драгоценный.
Ну чем еще

память сегодня услужит?
Кого там на выход готовят за сценой?
И вдруг —

не понять, через миг, через пек ли,
Навстречу мне

юность моя...
Что, родная?

Ты хочешь сказать,
что меня не узнаешь,

Что я поседела?
Что очи поблекли?

А снег все летит, расстоянья стирая,

А может, плывет от земли и до неба.
Да нет, моя молодость.

Нет, не стара я.

Нет, все это каверзы первого снега!

Вот ты уверяешь,

что я не старею,

А хочешь, начну все дороги сначала?

Вон, видишь, — гора?

Побежим, кто быстрее?

...Но юность моя головой покачала...

БОЛЬНИЦА

В окне стояла

Красная луна,

Точней

Ее вторая половина.

И излучала слабый

Синий свет.

И почему-то

Не казалось странным

В тот миг

Такое преломление света.

Невидимые пальцы

Сжали горло

Того, кто умирал

В палате мрачной.

И тихо растеклась

Его улыбка,

Как лунный свет

По бледному лицу.

И жизнь из глаз,

Распахнутых на мир,

Водой в песок
Бездонный уходила.
И сразу тени
Серые, как мыши,
Зашебуршали
В сумрачных углах
И закружили
В бестолковой пляске,
Подсвеченной
Безжалостной луной.
В ночи далеко
Взлаяла собака
И резко смолкла...
И раздался вой.

ГODOBЩИНА

*Светлой памяти
Михаила Абрамовича
Бенгельсдорфа*

Как дерево, ты был могуч, высок,
В твоей тени я сердцем отдыхала,
Но вот тебя, любимый мой, не стало,
И боль посеребрила мне висок.
Я знаю, что не надо никому
Таких стихов о горечи и боли,
Но я, любимый, плачу за тобою,
И жизнь моя напоминает тьму.
Ты снишься мне во сне и наяву,
Я вижу грусть в глазах твоих прекрасных.
Ты был со мной и жизнь была,
как праздник,
Но вот ушел — и я как не живу.
В глазах моих нет прежнего огня.

Как быть мне дальше без тебя,
любимый?

МОИМ ДРУЗЬЯМ

— Пришла проверить я,
По-прежнему ли вы ко мне добры...

БИРОБИДЖАН — МОЙ ДОМ

Хочу, чтоб знали все, всем рассказать хочу:
Биробиджан — мой дом, душой к нему лечу.
К вам, пахари, творцы, строители дорог:
Не где-то — только здесь
Любви моей исток.
Я среди вас, друзья, трудилась и жила,
Писала по ночам, костры утрами жгла
И по ночам опять писала о тебе,
Мой город у Биры, единственный в судьбе!
Так шел за годом год, и не забыть вовек:
Болотам и тайге не сдался человек.
И вырос у Биры наш светлый добрый дом,
В котором мы с тобой, счастливые, живем!
Пусть юность пронеслась, как бирская вода,
Но город молодым остался навсегда.
И я хочу друзьям напомнить об одном:
Биробиджан — мой дом,
И песнь моя — о нем.

ГЛАЗА

Мои глаза готосы все вместить,
Им до всего на этом свете дело...
Заметят — почки начали цвести,
Заря над синью сопок заалела.
И сумерек сиреневые тени,
И серебристых тополей метель,
И тоненькую травку, в напряженье
Пробившую сквозь землю путь
в апрель.
Густых туманов молоко парное,

Что заливает землю поутру.
И семицветье радуг над Вирою,
И ласковую нежность ми пых рук...
Мои глаза! Ну что мне делать
с вами?!
Как фотокамера все схватывает
вмиг
И навсегда запечатлит.
С глазами
Творится то же.
Помню старый гриб,
Подснежник синеглазый
у тропинки,
Слезу, что многоцветною росинкой
Повисла на ресницах.
Синий лед.
И ласточек раскованный полет.

Глаза мои, вы — зеркало души!
А что в душе? Сегодняшнее, наше.
Вот песня на свидание спешит,
И нету песни той под солнцем краше!
А вот взмахнул крылом
подъемный кран,
До странности на аиста похожий.
Вот смех девичий плещет
через край,
Идет по новой улице прохожий.
Дома вонзают в небо этажи,
Простор его распарывая синий...
И предстает большая наша жизнь,

Как солнце, необъятной и красивой!
Благословляю вас, мои глаза,
За то, что принимали в ней
участье...

Ведь я могу всем людям
рассказать
О том, как родилось на свете
счастье!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя .</i>	5
<i>Моя поэзия. Перевод В. Соломатова .</i>	8

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

<i>В пути. Перевод Анат Гая</i>	10
<i>«Дни и ночи...» Перевод В. Соломатова</i>	11
<i>Детские годы. Перевод Р Добровенского</i>	12
<i>Прощание. Перевод Анат. Гая</i>	13
<i>Славутич. Перевод Л. Школьника</i>	13
<i>Мой сад. Перевод Н. Филипкиной</i>	15
<i>Мої дом. Перевод В. Соломатова</i>	16
<i>Из старой тетради. Перевод В. Соломатова</i>	17
<i>Улица Ленина. Перевод В. Соломатова</i>	20
<i>Яблоня. Перевод Л. Школьника</i>	21
<i>Светлая явь. Перевод Э. Балериной</i>	22
<i>Моя река. Перевод Р. Добровенского</i>	22
<i>Улица Шолом-Алейхема. Перевод Н Филипкиной</i>	23
<i>Когда небо чисто и ясно. Перевод Н Филипкиной</i>	24
<i>Мать. Перевод В. Соломатова</i>	25
<i>Сыну. Перевод Анат. Гая</i>	26

Сын играет мелодию. <i>Перевод В. Соломатова</i>	27
Память сердца. <i>Перевод В. Соломатова</i>	28
Мое мертвое местечко. <i>Перевод Р. Добровенского</i>	29
Ночь. <i>Перевод Р. Добровенского</i>	30
Горизонты. <i>Перевод В. Соломатова</i>	31

БЛАГОСЛОВЛЯЮ ЖИЗНЬ

«Становится сердце нежней...» <i>Перевод Л. Школьника</i>	34
Весна. <i>Перевод Л. Школьника</i>	34
Начало весны. <i>Перевод Р. Добровенского</i>	35
Родник. <i>Перевод Л. Школьника</i>	(jīS')
Кораблик. <i>Перевод В. Соломатова.</i>	36
Внучка. <i>Перевод В. Соломатова</i>	37
Весна. <i>Перевод Р. Добровенского</i>	38
Ландыш. <i>Перевод Р. Добровенского</i>	39
Такие ночи. <i>Перевод В. Соломатова</i>	40
Дальневосточное лето. <i>Перевод Р. Добровенского</i>	41
Белая курочка. <i>Перевод Р. Добровенского</i>	41
В тайге. <i>Перевод Р. Добровенского</i>	JE~
Осень. <i>Перевод Л. Школьника</i>	CA2-
Березке. <i>Перевод В. Соломатова</i>	43
Осень. <i>Перевод Р. Добровенского</i>	44
Разговор. <i>Перевод Л. Школьника</i>	(3.4'
Первый снег <i>Перевод В. Соломатова</i>	45
Снег. <i>Перевод Л. Школьника</i>	46
Снегопад. <i>Перевод В. Соломатова</i>	47
Дед Мороз. <i>Перевод В. Соломатова</i>	48
Художник. <i>Перевод В. Соломатова</i>	49
«Снегопаденье, как акаций цвет...» <i>Перевод В. Соломатова</i>	50
Уходит мороз. <i>Перевод Л. Миланич</i>	51
Подснежник. <i>Перевод В. Соломатова</i>	51
Мечта. <i>Перевод Л. Школьника</i>	Cj>?'

ф Встреча с юностью. Перевод Р. Добровенского	53
Больница. Перевод В. Соломатова	54
Годовщина. Перевод Л. Школьника	55
\у.-Моим друзьям. Перевод Л. Школьника	56
^ .Биробиджан мой дом. Перевод Л. Школьника	57
Глаза. Перевод В. Соломатова	57
Ф «Глаза мои, вы • — зеркало души...» Перевод В. Соломатова	58

Любовь Шамовна Вассерман

БЛАГОСЛОВЛЯЮ ЖИЗНЬ

Редактор Н. Т. Кабушкпн

Художественный редактор А. В. Колесов

Технический редактор Т. А. Костючнко

Корректоры И. Л. Руд!янск:-1Я, Т. В. Шкулпна

ИБ № 1957

Сдано в набор 27.05.87. Подписано к печати 14.07.87. ВЛ 13192.
Формат 70х901/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,34. Усл. кр.-отт. 2,47. Уч.-изд. л. 2,52. Тираж 3000 экз. Заказ 97. Цена 25 коп. Хабаровское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Краевая типография № 1 управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Вассерман Л.

В 19 **Благословляю жизнь. Стихи. — Хаба-**
ровск: Кн. изд-во, 1987 — 64 с.

«Благословляю жизнь» — вторая книжка стихов Любо-
ви Вассерман, наиболее полно отражающая творчество
еврейской поэтессы, человека сложной судьбы и свет-
лого поэтического дарования. Здесь, на дальневосточной
земле, ее душа наиболее полно открылась навстречу
доброту и радости; этой земле, своим землякам и посвя-
тила она строки признания в любви.

4702200000-66

833Е

В М160(03)-87 Б е з о б ъ я в л . 87

25 коп.

